

ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ АКТОРАМИ В МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ*

Миграционная политика России часто осмысливается как государственная, т.е. производная от нормативных актов в данной области и выполняемая служащими. Однако в реализацию миграционной политики вовлечены и другие субъекты, которые не только непосредственно выполняют задачи, связанные с миграцией, но и формируют повестку дня для постановки более общих целей в этой сфере. К таким субъектам относятся как агенты рынка (коммерческие структуры), так и широкое разнообразие общественных организаций. В процессе реализации миграционной политики все они вступают во взаимодействие, характеризующееся возможностями совместной работы наравне с ограничениями кооперации. В статье анализируются интервью с акторами, выполняющими задачи по миграционной политике. На основе анализа используемых в интервью категорий раскрывается потенциал выстраивания солидарностей между акторами этой политики, а также ограничения, связанные с осмыслением категорий инаковости информантами. Анализ интервью строится по принципам фукианского дискурс-анализа, суть которого заключается в обращении внимания на отношения власти при производстве субъектности. Основное внимание уделяется повседневным дискурсивным практикам — вместо анализа правительственных программ и нормативных актов в статье разбираются суждения акторов реализации миграционной политики, озвученные устно. Для раскрытия властных механизмов важны два основных контекста использования тех или иных категорий — этничность и класс. Кроме того, значительную роль в этом процессе играет интерпретация норм права

---

* Статья написана в рамках совместного норвежско-российского проекта «Network governance: A tool for understanding Russian policy-making», координируемого Норвежским институтом городских и региональных исследований (NIBR) по программе NORRUSS Норвежского исследовательского совета (проект № 220615).

Автор также благодарит Оксану Карпенко, Ольгу Ткач, Дарью Скибо, Анастасию Головневу, Татьяну Крихтову, Миккеля Берг-Нордли, Одне Осланда, Елену Ярскую-Смирнову за неоценимую помощь в проведении исследования и подготовке статьи.

Александр Кондаков — научный сотрудник, Центр независимых социологических исследований; аспирант, факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; ассистент профессора, Европейский университет в Санкт-Петербурге (kondakov@cisr.ru).

Kondakov Alexander — Researcher, Centre for Independent Social Research; PhD candidate, Department of Sociology, St. Petersburg State University; Assistant Professor, European University at St. Petersburg (kondakov@cisr.ru).

Кондаков А. Возможности взаимодействия между акторами...

на повседневном уровне. Методология анализа базируется на современных социальных теориях субъектности, предполагающих дискурсивный характер взаимосвязи языка и деятельности. В результате анализа обнаружены две коалиции акторов, реализующих миграционную политику.

Ключевые слова: миграция, социальная политика, активизм, солидарность, отчуждение.

Введение

Внимание исследователей социальной политики все больше привлекают вопросы повседневного взаимодействия акторов, выполняющих задачи в этой области. Нормативные документы, определяющие деятельность в разных направлениях социальной работы и социальной политики, подвергаются тщательному анализу, однако также намечается интерес к повседневным взаимодействиям, которые сами по себе и составляют непосредственную практику и содержание такой работы (Романов, Ярская-Смирнова 2009). Широкое разнообразие подходов к исследованию реализации социальной политики на практике укладывается в разные теоретические традиции, в том числе антропологию профессий (Щепанская 2003; Романов, Ярская-Смирнова 2009), микросоциологию (Becker et al. 1976), социологию повседневности (Lipsky 2010). Данное исследование также фокусируется на анализе повседневных практик акторов, действующих в одной конкретной области — миграционной политике.

Деятельность чиновников в сфере социальной политики, миграционной политики и других «традиционных» для современных государств считается основной, но не монопольной, поскольку наряду с государственными служащими задачи в этих областях выполняют активисты гражданского общества и агенты рынка (Григорьева 2012). Таким образом, и миграционная политика реализуется коммерческими компаниями, работниками некоммерческих организаций, отдельными активистами социальных движений наряду со служащими государственных органов. Причем зачастую они могут выполнять одинаковые по сути задачи, дополнять работу друг друга, но использовать разные подходы. Данное исследование касается выяснения того, каким образом разные акторы миграционной политики взаимодействуют друг с другом. В результате анализа будет предложен ответ на вопрос, что способствует взаимодействию между ними, а что мешает продуктивной совместной работе.

Исследования повседневности, в том числе в рамках профессиональной деятельности, фокусируется на рутинных практиках (Pink 2012), микровзаимодействиях (Goffman 1959), общении (Резаев, Трегубова 2015), а также на тактиках сопротивления (Серто 2013), материальности политической активности (Bennett 2010) и др. Эта работа главным образом обращает внимание на то, как акторы миграционной политики говорят о предмете своей деятельности, предлагая понимать способы говорения в качестве либо общности, либо разобщенности способов деятельности, что отсылает к идее дискурса Мишеля Фуко (Foucault 1994: 273). Иными словами, принимая во внимание другие подходы к исследованиям трудовой повседневности, я также дополняю их перспективой критической методологии в исследованиях социальной политики (Романов,

Ярская-Смирнова 2009: 17). Это позволяет охватить вниманием не только рутинные вопросы реализации миграционной политики, но и место трансформаций, социального изменения, которые, согласно Мишелю де Серто, проявляются в повседневных тактиках сопротивления навязываемому порядку (Серто 2013).

Как и многие другие работы по исследованиям повседневности, статья основывается на данных качественного анализа — интервью с 25 чиновниками, активистами, экспертами, работниками коммерческого сектора, также привлекаются материалы наблюдения на площадках взаимодействия между государственными органами и гражданским обществом. Более подробно метод анализа и эмпирические данные будут обсуждаться в соответствующем разделе статьи. Далее предлагается обратиться к теоретическому подходу, используемому в работе. Последний раздел представит выводы анализа, свидетельствующие о наличии двух коалиций при реализации миграционной политики, которые по-разному подходят к выполнению задач в ее рамках.

Дискурс о миграции

Социальная политика в разных областях, в том числе в сфере миграции, предполагает определение субъекта, требующего внимания. Такое внимание описывается исследователями в двух основных регистрах. Во-первых, положение субъекта понимается как заведомо уязвимое, что оправдывает предоставление социальной поддержки и помощи со стороны государственных (Кларк 2003: 73) и негосударственных структур (Dunn 2012). Во-вторых, такой субъект может полагаться опасным для окружающих, что поддерживает легитимность вмешательства для устранения опасности (Wacquant 2009: 2–3). Миграционная политика скорее строится по второму из приведенных выше сценариев, поскольку «мигрант» — это Другой, заведомо отличный от «местных» субъект, а значит, в данной логике — опасный для культурных, социальных, экономических и иных норм общества. Так, в актуальной концепции миграционной политики России среди основных задач указывается «адаптация и интеграция мигрантов», т.е. научение нормам принимающего общества (Концепция 2012: п. 11).

Такая охранительная функция миграционной политики делает ее государственной, поскольку общественные организации не ассоциируются с подобной деятельностью. И все же если речь идет о более «мягких» механизмах охраны, таких как интеграция иностранных граждан, поле деятельности не покрывается исключительно работниками государственной службы. Более того, исследователи фиксируют пересечения различных, порой противоречивых сфер и трендов в реализации государственных полномочий ввиду усиливающегося неолиберализации (Harvey 2005: 29) и неменеджериализма (Ярская-Смирнова, Романов 2005). Это, в частности, означает, что некоторые задачи из области социальной политики, в том числе миграционной, передаются по контрактам и конкурсам агентам рынка и общественным организациям. Эффекты подобной системы администрирования широко обсуждаются в научной литературе (Brown 2006), для целей данной работы важно отметить лишь, что множество разнообразных акторов становятся легитимными участниками реализации миграционной политики сегодня.

В этой схеме гражданскому обществу отведено особое место, поскольку полагается, что именно активисты некоммерческих организаций обладают уникальными знаниями о реальных проблемах людей на местах, их работа ведет к позитивным социальным трансформациям (Turner 2001: 193). Рассмотренные в этой работе эмпирические данные позволяют подчеркнуть необходимость разделять гражданский сектор на разные группы, например отдельных активистов и работников НКО (Капустин 2013: 45), некоторые из которых не в полной мере соответствуют приведенному выше видению. Возросшая гражданская активность в России характеризуется сплочением множества граждан в активистские группы, однако не всегда каждая из них продуктивно работает над реализацией поставленных задач (Журавлев и др. 2014). Эмпирические данные позволяют показать, как подход к достижению тех или иных целей активистами зависит от конфигурации коалиции, в которую они попадают.

Исследование обращает внимание на то, каким образом участвующие в реализации миграционной политики акторы взаимодействуют на уровне практики. Нормативные документы (программы, законы) составляют формальный уровень миграционной политики, но они наполняются содержанием в повседневной работе, порой отдаляясь от идеалистических текстов (Lipsky 2010: 14). При этом взаимодействия на микроуровне продолжают воспроизводить дискурсивные механизмы власти и доминирования, которые отчетливо проявляются в документах (Фуко 1996: 251). Таким образом, для дискурсивного анализа практик важно сочетать работу над документами с данными интервью и наблюдений. Дискурс в определении последователей Фуко проявляется на поверхности не только текстов, но и во взаимодействии людей друг с другом и в материальных пространствах (Maynard 1999).

В дискурсе о миграции часто фигурируют темы, связанные с этничностью. Мигранты понимаются как представители другой этнической группы, что ставит их в подчиненное положение по сравнению с представителями принимающего общества. Кроме того, этничность может также выступать в качестве ресурса для солидаризации между людьми, позволяющей выстраивать сети взаимопомощи (Light 1984: 201–202). Однако часто этничность оказывается и поводом для разобщения между гражданами одной страны, оказавшимися за границей (Rechitsky 2014). В этом исследовании этничность используется в качестве категории дискурсивной практики, которой пользуются информанты для обозначения адресатов своей помощи. Использование словаря этничности в определенных контекстах в интервью будет указывать на то, каким образом этничность определяет взаимодействие между вовлеченными в процесс реализации миграционной политики людьми. Дэвид Энг полагает, что в современных обществах этничность становится одним из элементов, определяющих солидарность, но не ключевым элементом. Согласно его идее, связи с представителями местных сообществ, а не далеких граждан страны исхода имеет гораздо большее значение для мигрирующих (Eng 2003: 4). Эти связи прослеживаются в исследовании на уровне дискурса.

Другой важной темой в дискурсе о миграции становится классовый статус мигранта. Категория инаковости, производная от этнической принадлежно-

сти, часто смешивается с другими маркерами инаковости, и класс в этом отношении имеет определяющую силу (Balibar, Wallerstein 1991). Дискурсивно класс выражается в указании на экономический достаток и профессиональный статус субъекта, интерпретируемый в повседневности через оценочные суждения относительно дохода и профессии индивида (Wacquant 1997: 222). Так, «трудо-вые мигранты» понимаются как категория пониженного классового статуса неквалифицированных рабочих либо деклассированный элемент (Castells 1975). Таким образом, вместе с этничностью в исследовании будут рассмотрены суждения по поводу классового статуса адресата миграционной политики, чтобы выявить, как они формируют взаимодействие в этой области на уровне дискурса и повседневной практики.

В интервью практически не проявились другие ожидаемые маркеры различий, например гендерные. Следовательно, их анализ ограничится лишь кратким упоминанием категорий гендера одной из групп информантов. Связано это с тем, что миграционная политика в России остается нечувствительной к гендеру: единственными адресатами программ остаются взрослые мужчины, в то время как положение женщин и детей не осмысливается вовсе (Бредникова 2003).

Таким образом, в работе используется критический подход к анализу дискурсивных практик, т.е. способов говорить о миграции. Причем речевые акты, рассматриваемые в статье, не относятся к официальным документам, подготовленным для публикации, но собраны в процессе эмпирической стадии исследования. Это позволяет увидеть, как категории дискурса воспроизводятся в суждениях людей, непосредственно занятых в сфере миграционной политики. Основные категории инаковости, на которые будет обращено внимание, подпадают в области этничности и классового статуса. Контекст использования категорий этничности и класса укажет на возможности солидарности или отчуждения акторов миграционной политики от ее адресатов, а также позволит определить две коалиции акторов в сфере миграционной политики.

Фукианский дискурс-анализ в исследованиях повседневных практик

В статье используется фукианский дискурс-анализ (Potter, Wetherell 1994: 47; Фуко 2007; 1996). Его отличие от других способов анализа дискурса заключается в том, что основное внимание уделяется производительности властных отношений, в результате которых появляется субъект дискурса, действующий в обстоятельствах, обусловленных дискурсом (Hall 2001: 74). Так, в работах самого Фуко дискурс, источником которого являлись эксперты, оказался производительным для появления особого субъекта — преступника, например, а осознание себя в качестве такого позволяет человеку действовать как преступнику (Фуко 1999). В этом определении дискурса важно сочетание языка, которым говорят о предмете, и действий, которые обусловлены говорением. Дискурс поэтому определяется как одновременно и язык, и деятельность. Анализ эмпирических данных — исследовательских интервью — методом Фуко предпринимается обычно в контексте очевидно неравных властных отношений (Ball 2013), например между учеником и учителем (Hunter 1994) или врачом

и пациентом (Harwood 2006). Контекст миграционной политики может не менее продуктивно подпадать под этот тип анализа.

Предлагаемый в статье метод позволяет показать, как в повседневном взаимодействии информанты пользуются заранее заготовленными дискурсивными категориями, сохраняя определенное пространство выбора из предложенного в дискурсе набора. Предполагается, что для осуществления дисциплинарного регулирования необходимо предложить множество категорий, чтобы обеспечить способ взаимодействия с называемым субъектом. Так, мигрирующие становятся туристами, пребывающими, иностранцами, трудовыми мигрантами, преступниками, высококвалифицированными работниками и пр. Определяя миграционный статус, законодательные нормы обеспечивают дискурсивную категоризацию граждан других государств (Барберо 2014: 164) и последующие действия для приведения их в новое положение (интеграцию). Таким образом, право является одной из ключевых сил, генерирующей практики говорения и деятельности.

Легитимированные законами и правительственными документами дискурсивные категории далее интерпретируются в других пространствах — в медиа, в процессе рыночного обмена услугами, в активностях неправительственных организаций, в науке и повседневности (Grubaker 2004: 31). В данном исследовании рассматривается то, о чем сообщает использование тех или иных категорий при реализации миграционной политики и как категориальный аппарат отражает образ действий и образ мыслей субъекта, его применяющего (Foucault 1994: 237). Использование категорий в одинаковых контекстах свидетельствует о складывании коалиции, и наоборот.

При анализе интервью, собранных в рамках исследовательской работы, суть технологии заключается в определении существительных, находящихся в синтаксических позициях подлежащего или дополнения, выраженного существительным и совершающего какую-либо деятельность (Graham 1994: 639). Существительное полагается одной из форм, в которой выражается субъектность в языке (Graham 1994). Далее следует интерпретативная (герменевтическая) работа по определению контекста, словаря, к которому относится существительное, при привлечении более широкого спектра данных наблюдений и исторических, политических и социальных условий (Фуко 1996) осуществления миграционной политики.

Чтобы охватить наиболее разнообразные суждения вовлеченных в миграционную политику агентов, было проведено интервью с 25 информантами, а также четыре включенных наблюдения на специальных площадках для обмена информацией и принятия решений по поводу миграции разными организациями (общественные советы, общественные консультации). Информанты разделены на четыре группы: чиновники (6 человек), активисты (8), предприниматели (3) и эксперты (8). В силу просьбы большинства участников интервью не раскрывать их должностных позиций, все интервью были в значительной степени анонимизированы, поэтому в ссылках на них появляется лишь указание на одну из представленных выше групп информантов. Общий язык говорения о миграции позволит сделать вывод о схожести интересов тех или иных групп, а разный — о высокой вероятности провала при попытках работать вместе.

Коалиции в миграционной политике

В 2000-е годы осуществляется масштабное институциональное строительство в области миграционной политики в России: принимается новый закон «О гражданстве», а также «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», подверженный с тех пор многочисленным реформам, воссоздается ФМС, недавно ставшая отдельным от МВД ведомством. Эти знаковые реформы привлекают большое внимание прессы. Анализ официальных документов и сообщений СМИ позволил определить, что как только новые категории появляются в законодательстве, они подхватываются и масс-медиа (Кондаков 2015). Так, 2006–2007 гг. подарили категорию «безвизовиков» и «мигрантов из Средней Азии», о которых ранее не сообщалось вовсе или сообщалось вскользь (основной фокус статей в СМИ о миграции указывал на «лица кавказской национальности»). Это обстоятельство прямо коррелирует с реформами закона о положении иностранных граждан. В это же время принимается программа «Соотечественники», появляется соответствующая категория, маркирующая «правильных» мигрантов из стран с безвизовым режимом — они маркированы соответствующей этничностью.

Миграция, таким образом, определяется категориями, используемыми в словаре законов и сообщений СМИ. Равнозначно важно, какой категориальный аппарат внедряется на уровне экспертных оценок и анализа миграции. Доминирующим дискурсом в этом отношении остается расистский дискурс (Малахов 2013), конструирующий непреодолимые различия между разными этническими и расовыми группами людей в процессе обучения на университетском (Дубровский 2013) и школьном уровнях (Карпенко 2013). Исследователи связывают способы осмысления этничности в современной России с мультикультурной политикой в СССР, отражающейся в знаменитой концепции иерархичной «дружбы народов»: указание на этническую принадлежность помещает субъект в жесткую иерархичную структуру советских наций, среди которых были «более» и «менее» важные (Малахов 2008: 183). Тем не менее классовый характер категорий миграционной политики, несмотря на свою очевидность, не исследуется.

В рамках исследовательского проекта собирались полуструктурированные интервью, в которых информантов просили рассказать о деятельности в области миграции, организуемых мероприятиях, а также о работе в общественных советах, если таковая имелаась. Среди информантов этого исследования оказались люди, применяющие социальную политику в определяемом здесь смысле, разных статусов — от непосредственных исполнителей до начальников государственных и негосударственных структур. Наиболее общая деятельность всех информантов связана с организацией курсов русского языка для трудящихся мигрантов — этой деятельностью занимались и чиновники, и представители некоммерческих организаций, и коммерческие структуры.

Суждения чиновников почти исключительно воспроизводили риторику нормативных актов, чем в действительности эксплуатировали какие-либо из повседневных категорий. Поэтому язык речи чиновника насыщен канцеляризмами и формальностями, защищающими говорящего от любых сторонних интерпретаций, если таковые не даны судом соответствующей инстанции.

Используется нейтральный язык права, определяющий порядок любых взаимодействий:

«Федеральный порядок миграционного законодательства, миграционной политики обнаруживает себя достаточно действенным механизмом, направленным на урегулирование миграционных потоков. Речь идет о... эээ... мм... каких-то административных экономических рычагах, которые не позволяют иностранным гражданам незаконно находиться на территории Российской Федерации» (чиновник).

Основной используемой категорией является «иностранный гражданин», обязанный своим появлением, как следует из прямых ссылок говорящего, федеральному законодательству. Правовой текст и административное устройство «органов» государственной власти является основной формой осмысления взаимодействия — именно «лица», «органы», «иностранные граждане», «субъекты Федерации» и другие формальные определения составляют набор существенных, которыми оперируют чиновники. Данный язык выстраивает солидарность по административной линии (с другими «органами»). Тем не менее непосредственные адресаты политики в рамках правовых отношений подразделяются на тех, кто может ее получить, и тех, кто не может:

«[что касается темы миграции,] здесь несколько составляющих. Во-первых, это, собственно, сами обращения. Но обращения, как правило, идут по предмету паспортизации, по получению гражданства. А трудовые мигранты или нелегальные, тем более, они, понятно, себя обозначать не будут, поэтому обращаться они тоже не будут» (чиновник).

Нейтральность дискурсивных категорий в определенной степени мнима, поскольку она сохраняется в том виде, в котором нейтрален сам язык права. Между тем, как отмечалось выше, миграционное право содержит в себе этнические и классовые предрассудки, наиболее полно проявляющиеся в текстах правительственных программ (Кондаков 2014: 172–173). Следовательно, право существенным образом усложняет взаимодействие адресатов миграционной политики и государственных служащих, хотя последние по своим дискурсивным практикам являются послушными исполнителями закона и не приносят негативно окрашенных коннотаций в свою работу.

Среди информантов оказались активисты общественных организаций, которые не менее активно делали отсылки к текстам законов. Использование правовых категорий роднит их с государственными чиновниками, тем самым указывая на солидарность с ними. Если сами чиновники в своих суждениях в основном выстраивали взаимодействие с коллегами из других служб, то эти активисты, напротив, демонстрировали общность интересов с государственными органами в большей степени, чем с другими активистами. Право в этом случае выстраивает демаркационную линию между активистами и мигрантами, зато приглашает к сотрудничеству служащих разных уровней власти:

«Миграция как часть социальной политики является предметом совместного... совместных полномочий Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, согласно 72 статьи Конституции Российской Федерации <...> Сейчас подписан Указ Президента, который утверждает так называемую концепцию интеграции миграционной политики, это где-то

лето прошлого года. Что там хорошо? Там хорошо то, что прописано совершенно четко, что, прежде всего, важны интересы россиян, это правильно. То есть, сначала надо защищать свой рынок, своих граждан» (активист).

Эксперты и активисты отмечали такой тип солидарности с государственными органами среди представителей диаспоральных общественных организаций, одновременно дискурсивно осуществляя дистанцирование от подобных организаций:

«Проблема в том, что там [в ФМС], в отличие от НКО, работающих с трудовыми мигрантами, очень поставлена диаспорная [неразборчиво]. Это тоже некая системная проблема нашего гражданского общества получается, да. Что в нем удельный вес таких вот представителей — вес, с точки зрения власти, таких вот квази-социальных там, да, мягко говоря, там квази-правозащитных организаций, он более высок, чем у организаций, которые реально работают с реальными проблемами» (активист).

Это указывает на разделение сферы миграционной политики на две части, в каждой из которых действует своя коалиция. В одной части располагается коалиция государственных органов, активистов, названных «квазиправозащитниками», а также коммерческих структур, заинтересованных, согласно интервью, в получении федеральных и региональных субсидий. В другой части находятся активисты, «которые реально работают с реальными проблемами», как указывается в цитате выше.

Следует заметить, однако, что оценки относительно активистов общественных организаций диаспор не совсем точны. Диаспоры обладают очевидным преимуществом, поскольку апеллирование к этничности позволяет им достигать двух целей. Во-первых, они становятся постоянными адресатами государственных служб, которым требуется работа в области культурного разнообразия, в том числе по миграционным вопросам, но сами в языке не показывают эти отношения через отсылки к праву. Во-вторых, они выстраивают солидарность с гражданами своих государств, в том числе с трудящимися мигрантами, на основе этничности. Тем не менее именно в том, что касается второго пункта, намечается также потенциал значительного дистанцирования от соотечественников, который проявляется в суждениях, использующих классовые характеристики субъекта миграционной политики:

«Вот, мы организовываем мероприятия, с мигрантами уже рядом не сидят даже наши [указывает этничность], студенты, они стесняются, говорят, “а он трудовой мигрант”, а сам вроде какой-то адаптированный, интегрированный. Студент, он знает русский язык хорошо» (активист).

В том, что касается активистов, расположенных на противоположном от государства полюсе миграционной политики, то категории, которыми они пользуются, существенным образом отличаются от языка остальных информантов. В интервью для обозначения иностранных граждан они говорят языком, наиболее приближенным к повседневности, обозначая адресатов своих усилий так: «дети», «женщины», «люди» и т.п. Именно в их суждениях проявляется гендерная чувствительность, что связывается со знанием порой разнообразных потребностей женщин и мужчин, оказавшихся в ситуации миграции. Хотя маркирование субъектов этничностью тоже встречается в некоторых ин-

тервью, такие активисты все же предпочтут обобщающую категорию «люди», если это позволит контекст:

«Это были довольно тяжелые такие моменты, когда там [в суде] сидят люди, мы говорим, “мы вам можем помочь”. Я имею в виду мигрантов, которых должны судить. И мы говорим, “мы вам можем помочь”. А там стоит какой-нибудь урод [сотрудник полиции], и говорит, “скажите этим”, ну, в смысле, нам, “что вам эта помощь не нужна”. И орали на этих людей. Ну, не били, к счастью, но это было, на самом деле, очень страшно» (активист).

Этот информант уточняет, что люди, которым они хотели помочь, являются «мигрантами», но лишь для того чтобы облегчить понимание интервьюера. Такое приближение используемых категорий к непосредственным адресатам помощи позволяет выстраивать связи с работающими мигрантами. Язык говорения о субъектах миграционной политики не маркирует их этническими и классовыми различиями, что облегчает взаимодействие. В то же время игнорирование правового словаря, враждебное отношение к государственным служащим, которое появилось, согласно интервью, из опыта взаимодействия, отгораживает этих активистов от продуктивной работы вместе с ФМС. Зато дискриминационные механизмы, заложенные в праве (документированность мигранта, этническая принадлежность, классовые характеристики) не мешают продуктивной работе с непосредственными адресатами поддержки. Солидарности в этом сегменте формируются по принципу противостояния официальному праву и объединения усилий всех, кто оказался в уязвимом с точки зрения закона положении.

Заключение

На материалах интервью выстраивается более комплексная картина миграционной политики, учитывающая перспективы разных задействованных в ней акторов. Чиновники оперируют формальными категориями права и административного устройства органов власти, перераспределяя ответственность в иерархичной последовательности, установленной законом. Право, регулирующее миграционную политику, объединяет государственных чиновников с теми из активистов, которые стремятся сотрудничать с государством, и работниками коммерческих фирм в одну коалицию. Однако данная ситуация в свою очередь отдаляет как чиновников, так и активистов от самих иностранных граждан, особенно если последние оказались в неурегулированном правовом статусе. Диаспоры восстанавливают солидарность с соотечественниками через отсылки к этнической принадлежности последних, но усиливают отчуждение через воспроизводство классовых предрассудков.

Эксплицитно и скрыто позиционируют себя на противоположном от государства полюсе гражданские активисты из еще одной коалиции, куда входят те, которые игнорируют требования закона, чтобы оказывать реальную помощь конкретным людям. Они не стремятся выстраивать связи с государственными органами или не способны их выстроить в силу противоречий. Их солидарность выстраивается на основании общей ситуации, характеризующейся уязвимым правовым статусом, и проявляется в использовании наиболее обыденных и нейтральных дискурсивных категорий для обозначения адресатов поддержки.

Категории, используемые в повседневном языке, показывают, как люди взаимодействуют друг с другом — выстраивают дистанции или солидарности. В миграционной политике России, как и во многих других национальных контекстах, этничность и класс определяют категориальный аппарат задействованных акторов. Кажущееся нейтральным право производит серию разнообразных эффектов, в том числе позволяя воспроизводить категории этничности и класса в речи. Однако будущие исследования могут привести и к новым выводам. В этой работе, например, не было уделено внимания религиозным категориям, которые тем не менее значимы в современной государственной политике, позволяя в некоторых регионах спланировать элиты (Yusupova 2015), а на федеральном уровне — предлагать новые трактовки права (Muravyeva 2014). Кроме того, исследование не дает более детального взгляда на коалиции между государственными органами, которые могут также характеризоваться конфликтами, несмотря на кажущееся единство. Представленные методологические аспекты работы могут стимулировать анализ в этих и других направлениях.

Литература

Барберо И. Ориентализация мигрантов в Европейском Союзе // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (2). С. 153–168.

Бредникова О. Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов / ред. Л.Н. Попкова, И.Н. Тартаковская. Самара: Самарский университет, 2003. С. 143–154.

Григорьева И. А. Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 145–155.

Дубровский Д. Расизм в российских университетах: «нечаянный расизм» или «объективное научное знание»? // Расизм, ксенофобия, дискриминация, какими мы их увидели / ред. Е. Деминцева. М.: НЛО, 2013. С. 256–273.

Журавлев О., Савельева Н., Ерылева С. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (2). С. 185–200.

Капустин Б. «Гражданское общество» как исчезающее понятие // Гражданство и миграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение / ред. В. Малахов, А. Яковлева. М.: Канон+, 2013. С. 33–46.

Карпенко О. «Ты — гость, тебе не должно сметь свое суждение иметь» // Расизм, ксенофобия, дискриминация, какими мы их увидели / ред. Е. Деминцева. М.: НЛО: 2013. С. 212–255.

Кларк Дж. Неустойчивые государства: трансформация систем социального обеспечения // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (1). С. 69–88.

Кондаков А. Акты гражданского состояния: миграционная политика и гражданский поступок // Журнал исследований социальной политики. 2014. № 12 (2). С. 169–184.

Кондаков А. Отражение миграционной политики в официальной прессе: субъекты в медиа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 147–154.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 13.06.2012 г.

Малахов В. Национализм и «национальная политика» российской власти: 1991–2006 // Русский национализм: социальный и культурный контекст / сост. М. Ларюэль. М.: НЛО, 2008. С. 131–156.

Малахов В. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне // Расизм, ксенофобия, дискриминация, какими мы их увидели / ред. Е. Деминцева. М.: НЛО, 2013. С. 115–139.

Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 13 (2). С. 181–194.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999.

Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007.

Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Вып. VI (1). С. 139–161.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2005. № 3 (4). С. 497–522.

Balibar E., Wallerstein I. *Race, Nation, Class: Ambiguous Identities*. L.: Verso, 1991.

Ball S. *Foucault, Power and Education*. N.Y.: Routledge, 2013.

Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. L.: Duke University Press, 2010.

Brown W. American Nightmare: Neoliberalism, Neoconservatism, and De-Democratization, *Political Theory*, 2006, 34(6), pp. 690–714.

Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Castells M. Immigrant Workers and Class Struggles in Advanced Capitalism: the Western European Experience, *Politics and Society*, 1975, 5, pp. 33–66.

Dunn E. The Chaos of Humanitarian Aid: Adhocracy in the Republic of Georgia, *Humanity*, 2012, 3(1), pp. 1–23.

Eng D.L. Transnational Adoption and Queer Diasporas, *Social Text*, 2003, 21(3), pp. 1–37.

Foucault M. *Dits et écrits IV*. Paris: Gallimard, 1994.

Graham L.D. Critical Biography without Subjects and Objects: An Encounter with Dr. Lillian Moller Gilbreth, *The Sociological Quarterly*, 1994, 35(4), pp. 621–643.

Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Harmondsworth: Penguin, 1959.

Hall S. Foucault: Power, Knowledge, and Discourse, in: *Discourse Theory and Practice: A Reader*, ed. by M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates. L.: Sage Publications, 2001, pp. 72–81.

Harvey D. *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Harwood V. *Diagnosing 'Disorderly' Children: A Critique of Behaviour Disorder Discourses*. N.Y.: Routledge, 2006.

Hunter I. *Rethinking the School: Subjectivity, Bureaucracy, Criticism*. N.Y.: St Martin's Press, 1994.

Light I. Immigrant and ethnic enterprise in North America, *Ethnic and Racial Studies*, 1984, 7(2), pp. 195–216.

Lipsky M. *Street-Level Bureaucracy. Dilemmas of the Individual in Public Service*. N.Y.: Russell Sage Foundation, 2010.

Maynard S. 'Respect your Elders: Know Your Past': History and the Queer Theorists, *Radical History Review*, 1999, 75, pp. 56–78.

Muravyeva M. Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia, *The Journal of Social Policy Studies*, 2014, 12(4), pp. 625–638.

Pink S. *Situating Everyday Life*. L.: SAGE, 2012.

Potter J., Wetherell M. Analyzing Discourse, in: *Analyzing Qualitative Data*, ed. by A. Bryman, R.G. Burgess. L.: Routledge, 1994, pp. 47–66.

Rechitsky R. Trust Networks, Human Security and the Determinants of Migration Decisions: The Case of Global Refugees in Ukraine, *The Journal of Social Policy Studies*, 2014, 12(4), pp. 599–612.

Turner B. The erosion of citizenship, *British Journal of Sociology*, 2001, 52(2), pp. 189–209.

Wacquant L. For an Analytic of Racial Domination, *Political Power and Social Theory*, 1997, 11, pp. 221–234.

Wacquant L. *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. L.: Duke University Press, 2009.

Yusupova G. The Islamic representation of Tatarstan as an answer to the equalization of the Russian regions, *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, 2015 (in print), DOI: 10.1080/00905992.2015.1061983.